

The background of the cover is a lush forest scene with a large, multi-tiered waterfall cascading down a rocky cliff. In the foreground, four characters stand prominently. On the left is an elf with long, flowing white hair and pointed ears, wearing a blue cape and ornate silver and blue armor. In the center is a woman with long, wavy brown hair, wearing a dark, intricately detailed corset with a small white bird perched on her waist. Behind her are two men: one with long, braided red hair and a beard, wearing a red and gold outfit, and another with long, wavy brown hair, wearing a blue cape and green tunic. The overall style is highly detailed and cinematic, typical of modern fantasy book covers.

Аврелия Вэй

Иномирянка с Даром
Первоисточника

18+

Аврелия Вэй

Иномирянка с Даром Первоисточника

<https://litres.ru/74006814>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ася наконец обрела свой дом в магическом лесу. Она учится управлять четырьмя стихиями, обустривает быт и даже спасает местный трактир от кулинарного краха, готовя голубцы по магическим рецептам. Но спокойной жизни не бывает: чтобы защитить своих близких — экс-дракона Рея, эльфа Аланиэля и феникса Каэла, — ей необходимо поступить в столичную Академию магии.

Содержание

Часть2. Глава 1. Возвращение.	4
Глава 2. Утро, тропа и вода, которая помнит	15
Глава 3. Боль, тишина и техника неправильного дыхания	26
Глава 4. Утро, огонь и сердце, которое говорит шёпотом	38
Глава 5.. Аланиэль.	47
Глава 6. Тёплая корзина и ритм леса	53
Глава 7. Каменюга, модель с кубиками и клятва, которую не отменишь	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Иномирянка с Даром Первоисточника

Часть2. Глава 1. Возвращение.

Крик Рендейла разорвал тишину. Не громкий, но тяжёлый, будто вырвался из самой глубины, где сплетаются страх и ярость. Слух отключился первым. Тьма подступала с краёв зрения. Не мягкая, не успокаивающая. Холодная. Настойчивая. Как те буквы на стене. Как шёпот за спиной. Как печать, что билась в ритме с сердцем, требуя, требуя, требуя. Я закрыла глаза. И мир исчез.

Каэль успел подхватить меня. Его голос, обычно ровный, дрогнул: — Держись. Я рядом. Дыши ровно. Я не отпущу. Обещаю. Рендейл уже поддерживал меня с другой стороны. Его ладонь была твёрдой, тёплой, уверенной. Тьма сомкнулась, но в ней осталась одна нить: я не одна. И пока эта нить цела, я не исчезну.

*** Для Рендейла этот миг растянулся в бесконечность. Он держал её на руках, и чувство опасности пронизывало всё вокруг. Он ведь прежде всего зверь. За себя он не боялся никогда. Ни в схватках, ни в долгих переходах, ни в те годы, когда приходилось прятаться в тених, чтобы выжить. Но сейчас страх сжался не вокруг него. Он обвинил ту, что принесла в

его жизнь смех, тепло и подлинную радость. Он не мог припомнить, когда смеялся так искренне, как в те вечера, когда она путала компоненты зелий, ворчала на единорогов и пыталась заставить магию подчиняться расписанию, словно песочным часам. Каэль тоже менялся. Становился взрослее, собраннее, тише. Хоть они и были ровесниками, она прошла путь, способный сломать даже самые крепкие хребты. Когда Рендейл заглядывал в её прошлое мысленно, картина оказывалась тяжёлой. Избиения до потери сознания. Голод, когда старшие отбирали еду. Те, кто должен был присматривать, отворачивались. Там каждый день был таким.

Но она не сломилась. Снова и снова доказывала себе и миру своё превосходство. Училась, пока другие спали. Тренировалась, пока другие отдыхали. Чтобы не смогли обидеть. Чтобы не смотрели свысока. Силе воли этой юной девчонки позавидовал бы даже самый отважный дракон. Они были почти дома. Лесные тропы должны были стать их крепостью. Никто её здесь не достанет. Лес не позволит. И Хранитель тоже. Как бы Рендейл ни старался это отрицать, эльф сможет защитить её лучше всех. Один из сильнейших в их мире. Как и он сам когда-то. Но путь домой стал последним рывком. Он почувствовал давление. Магическое. Тяжёлое, липкое, будто кто-то наступил на невидимую струну и потянул её до разрыва. Рендейл попытался связаться с ней мысленно. Ответа не было. Лишь ощущение дикого, животного страха. Резкая, болезненная пульсация. Будто сердце, готовое вот-

вот остановиться.

И она рухнула. Не споткнулась, не пошатнулась. Просто отключилась, словно невидимая рука погасила свет в её теле.

Рендейл бросился к ней, но Каэль уже был рядом, удерживая её с другой стороны. Камень в её сумке начал светиться. Тускло, тревожно, будто сердце, бьющееся в панике. Каэль не проронил ни слова, не задал ни вопроса. Он просто сделал то, что требовалось. Невидимость накрыла их троих плотным куполом. Из кармана он выхватил маленький флакон, откупорил и на ходу распылил порошок забвения. Тонкое облако осело на камнях, стенах и следах их шагов. Отличный парень. Порой он чётко делает то, что нужно, не спрашивая разрешения. Магия подхватила их. Пространство сжалось, дрогнуло, и их выбросило на опушке леса. Прямо перед домом. Крыша во мху. Дубовая дверь. Знакомый запах смолы и старой древесины.

Он ждал их. Хранитель. Почувствовал свой артефакт. Почувствовал её страх. Теперь он стоял в своём истинном облике. Не в личине зверя, убегающего от веников. Перед ними был эльф. Высокий. Стройный. Его серебристые волосы сияли, как осколок луны. Он обеспокоенно смотрел на девушку, лежащую у ног Рендейла.

— Что случилось? — спросил он. Голос звучал тихо и мягко, словно ручей, бегущий под мхом.

— Не знаю, — ответил Рендейл, поднимая её на руки. Она была лёгкой, как перо, но всё её тело окаменело от напряже-

ния. — Не могу объяснить. Хранитель кивнул. Медленно. Шагнул ближе.

— Мой камень переносит в случае смертельной опасности. Срабатывает на грани жизни. Там не было ничего физического. Только фон. Магический. Тяжёлый. Как перед грозой, но без туч. Он потянулся, опустил голову и убрал локон с её лица. Прикосновение вышло бережным, будто он боялся разбудить её или, наоборот, не разбудить никогда.

— Почему ты не открываешься перед ней? — тихо спросил Рендейл. Не обвиняя. Просто интересуясь. Он знал, что тот чувствует. Знал, что связь между ними растёт с каждым днём.

— Пока не время, — ответил Хранитель, не отводя взгляда. — Ей нужно развивать магию. Не отвлекать сердце. Не путать ритм с чувствами. Когда она проснётся, я ей помогу. Настрою внутреннее поле. Уберу след чужого давления.

Рендейл кивнул. Больше не было слов, способных что-либо изменить. Хранитель исчез в лесу. Не растворился. Просто шагнул в тень деревьев, и след его шагов стёрся сам.

Рендейл уложил девушку на кровать. Матрас прогнулся. Одеяло укрыло плечи. Он был рад, что этот белобрысый тут. Благодаря ему она спаслась. Благодаря лесу. Благодаря камню. Благодаря тому, что кто-то всё ещё верит в защиту без меча.

** Сознание возвращалось не сразу. Оно приходило каплями, как вода, просачивающаяся сквозь мох. Сначала за-

пах. Сушёные травы. Старое дерево. Тёплый пепел. Потом звук. Тихое потрескивание поленьев в печи. Ровное дыхание за окном. Шелест листьев. Я открыла глаза. Потолок. Балки. Знакомые. Дом.

Я лежала на спине. Руки вдоль тела. Ладони тёплые. Грудь поднималась и опускалась ровно. Внутри больше не билось тревожное эхо. Осталась лишь тихая усталость. Будто пережила шторм и теперь отдыхаю на берегу.

Рендейл сидел у окна. Спина прямая, руки на коленях. Он не смотрел на меня, глядел в стекло. Но я знала: он слышит каждое моё движение. Каэль стоял у двери. Не записывал, не чертил. Просто стоял. Как страж, уже выполнивший долг, но ещё не ушедший.

— Ты здесь, — произнёс Рендейл. Не вопрос. Констатация факта.

— Ага, — прошептала я. Голос был хриплым, будто я не пользовалась им целую вечность. — Получается. А что случилось? Помню надпись. Помню шёпот. Помню, как пол подошёл слишком быстро. Дальше — пустота.

— Камень среагировал, — ответил он, наконец поворачиваясь. Лицо спокойное, но в глазах залегла тень, которую не стереть улыбкой. — Он почувствовал угрозу. Не физическую. Магическую. Тяжёлую. Как давление перед обвалом. Артефакт перенёс нас сюда. Чтобы не успели задеть. Чтобы не успели пометить.

Я кивнула. Медленно села. Одеяло соскользнуло с плеч.

Я обхватила колени руками. Холод отступал. Внутри нарастало тепло. Не от огня. От узнавания. Я была дома. Не в гостинице, не в чужом городе. А здесь. Где стены помнят мои шаги. Где пол не скрипит от чужой поступи. Где воздух дышит в унисон с моим.

— Они знают, — тихо сказала я. — Где я. Кто я. Что я вернусь.

— Пока нет, — мягко поправил Рендейл. Он опустился на край кровати, не нависая, не давя. Просто рядом. — Они чувствовали всплеск. Давление. Шёпот. Но пока ничего не ведают. Не знают, что ты уже в этом мире. Камень сработал в последний миг. Перенёс нас сквозь слои. Для них ты растворилась в пустоте. Остался лишь отзвук да след на камнях, который Каэль стёр порошком. Они будут искать. Перевернут город. Проверят разломы. Но пока — они не знают. У нас есть время. Не дни. Часы. Может, сутки. Пока они не найдут нить. Пока лес не даст тропу. А у тебя теперь есть дом. И люди, которые стоят за него горой. Не ради славы. Не ради долга. Просто потому, что ты — часть этого дома.

Каэль шагнул вперёд и поставил на тумбочку кружку с водой. Тихо. Без слов.

Я взяла. Выпила. Вода была прохладной, чистой, без привкуса. Я поставила кружку на место и провела ладонью по краю стола. Дерево было гладким. Старым, отполированным временем, руками, тишиной.

— Вода возвращает силы и ясность мыслей лучше любого

целебного отвара, — тихо заметил Каэль, поправляя дужку очков. — Если понадобится ещё питья, травяной настой или просто кто-то, кто постоит на страже, пока ты отдыхаешь, я к твоим услугам. Безвозмездно. И с клятвой, что никто не войдёт без предупреждения. Выбор за тобой.

Я улыбнулась, чувствуя, как напряжение в плечах наконец отпускает.

— Спасибо. Пока обойдусь водой. Но запомню твоё предложение.

Он кивнул. Уголок губ дрогнул в едва заметной улыбке.

— Запоминай. Я храню летописи. И клятвы.

— Завтра начинаем, — сказал Рендейл. — Не с упаковки. С дыхания. Огненный шар не рождается через страх. Он рождается через покой. Ты уже умеешь держать искру. Теперь научись отпускать её. Не в стену. Не в дерево. В воздух. Пусть летит. Пусть гаснет. Пусть возвращается. Огонь не враг. Он гость. Пока ты не зовёшь его с оружием — он приходит с теплом.

Я кивнула. Встала. Ноги держали. Спина не ныла. Я подошла к окну и открыла створку. Воздух коснулся лица. Прохладный. Пахнувший хвоей, землёй, далёкой водой. Внутри отзвучало напряжение. Тихо. Ровно. Не угрожало. Просто напоминало.

Я знала: они придут. Знала: я готова. Не к войне. Не к бегству. К защите. К дому. К тем, кто рядом.

На крыльце лежал Хранитель. Поднял голову. Посмотрел

на меня. Не оцениваяюще. Просто подтверждая, что я здесь. Что дом стоит. Что тропы живы.

— Привет, рогатый, — прошептала я. — Надеюсь, ты не против, что я притащила этот странный ящик. На Земле он называется холодильником. Петь не будет, зато молоко не скиснет, и твои ягоды не пропадут.

Он фыркнул. Тихо. Положил голову на траву и закрыл глаза. Будто сказал: «Разбираться будете сами. Я просто буду рядом».

Я подняла ладони. Закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. Медленно выпустила воздух. Тепло в животе. В груди. В запястьях. В кончиках пальцев. Искра вспыхнула. Не рванула, не метнулась. Просто возникла. Тихая. Ровная. Я не стала её гнать. Не стала сжимать. Просто дышала.

Искра стала шаром. Небольшим. Тёплым. Пульсирующим. Я открыла глаза. Он висел между ладонями. Не падал. Не гас. Не жёг. Просто был.

Я сделала шаг вперёд. Медленно выпустила воздух. Чуть короче. Шар дрогнул и полетел. Не быстро, не медленно. Ровно. Пролетел три метра и погас, оставив в воздухе лёгкий запах озона и звенящую тишину.

Я перевела дыхание. Руки не дрожали. Ладони не горели, просто были тёплыми. Внутри — не восторг, не паника. Тихое, ровное признание. Я сделала это. Не через силу. Не через страх. Через ритм. Через дыхание. Через то, что наконец перестало быть врагом и стало частью меня.

Рендейл стоял у двери. Не хлопал, не хвалил. Просто кивнул. Один раз. Медленно.

— Хорошо, — произнёс он. — Теперь учись не бояться, когда он гаснет. Огонь не уходит. Он возвращается, чтобы стать сильнее. Каэль сидел на ступеньке. Не записывал, не считал. Просто смотрел. Потом тихо сказал:

— Ровно. Без рывка. Так и должно быть. Кстати, если тебе когда-нибудь понадобится кто-то, кто будет вести свиток наблюдений или просто стоять с мехом воды наготове, мои руки отлично справятся. И, между прочим, я не боюсь обжечься. Только если ты попросишь. Без условий. Выбор всегда за тобой.

Я рассмеялась, чувствуя, как лёгкость возвращается в грудь.

— Запомню. Пока обойдусь без лишней защиты. Но спасибо за предложение.

Тильда вышла с корзиной трав. Увидела меня. Увидела шар, который только что погас. Увидела Рендейла, застывшего с видом человека, чей ученик наконец перестал ломать дрова топором. Она вздохнула. Не сердито. С тихим пониманием. Налила суп в миску и поставила передо мной. Я села. Взяла ложку. Попробовала. Горячо. Вкусно. Настоящее. Не как в земной столовой с талончиками. Как дома. Как и должно быть.

Вечер спустился без резких переходов. Свет за окном стал синим. Воздух остывал. Не холодел, просто менял плот-

ность. Рендейл сидел у окна, чистил посох тряпкой. Каэль проверял крепления на дорожной сумке. Хранитель фырк-нул во сне. Кулон на шее тихо позвякивал, будто отбивал ритм моим движениям.

Я отставила миску. Вытерла губы. Встала и подошла к окну. Открыла створку. Воздух коснулся лица. Прохладный. Пахнувший землёй и далёкой водой. В груди затихло магическое эхо. Ровно. Не угрожало. Просто напоминало.

Я знала: они придут. Знала: я готова. Не к войне. Не к бегству. К защите. К дому. К тем, кто рядом. Завтра — тренировки. Списки. Подготовка к академии. И первый шаг в мир, где я больше не чужая. А хозяйка. С камнем. С огнём. С людьми, которые не требуют героизма, а просят просто быть рядом.

А сегодня — суп. Тишина. И покой. Не выдуманный. Не отложенный. Просто настоящий. Потому что мир не просит меня бежать. Он просит меня стоять. И дышать. И знать, что дом уже ждёт. Не в моём мире. Не в этом. А там, где я перестала бояться выбирать. И наконец сделала это.

Я закрыла окно. Вернулась к столу. Убрала кружку. Вытерла столешницу. Задвинула табурет. Погасила свечу. Комната погрузилась в мягкую тень. Которая не давила. А обнимала.

Завтра будет новый день. И новые шаги. И новые искры. А сегодня — я дома. И этого достаточно. Чтобы уснуть без будильника. Чтобы проснуться без страха. Чтобы знать: путь

не кончился. Он только начался. И я готова идти. Не вперёд.
Не назад. Просто в ритме. С миром. С собой.

Глава 2. Утро, тропа и вода, которая помнит

Утро началось не с пения птиц, а с чёткого, размеренного шума. Скрип древесины, глухие удары, шорох перемещаемого грунта. Звуки не несли угрозы, но пробивали сонную пелену с точностью метронома, вытаскивая меня из тёплой постели раньше, чем успел включиться внутренний будильник. Я села на край кровати, провела ладонью по лицу, стряхивая остатки дрёмы, и выглянула в окно. То, что вчера было обычным двором с примятой травой и кривыми тропами, теперь напоминало чертёж, аккуратно переведённый в реальность. Земля перед домом стала абсолютно ровной, тщательно утрамбованной, готовой к работе. Слева и справа от крыльца тянулись длинные полосы вспаханной почвы, тёмные, рыхлые, пахнущие утренней сыростью и обещанием будущего урожая. По центру уложилась каменная дорожка, чётко разделяющая пространство: одна ветвь уходила вглубь леса, другая огибала дом, ведя к заднему двору и старому сараю. Именно оттуда доносились голоса. Низкие, ровные, без спешки. В воздухе витал запах свежесрезанного дерева, разогретой смолы и той самой утренней прохлады, которая обещает долгий, наполненный делами день. Я натянула ботинки, застегнула куртку и вышла на крыльцо. Воздух уже

прогрелся, но оставался прозрачным, как отполированное стекло. У сарая стояли Рендейл и Каэль. Первый опирался на посох, второй перебирал толстые верёвки, складывая их в аккуратные бухты. Оба не выглядели уставшими. Скорее, сосредоточенными. Будто собирали не инструменты, а сложную, но надёжную систему. На земле рядом с ними стояли две фляги с водой, аккуратно разложенные бинты, деревянный лук с тупыми наконечниками и пара затупленных тренировочных мечей. Всё было подготовлено заранее. Без суеты. Без лишних движений. Только забота, переведённая в действия.

— Доброе утро, — окликнула я, спускаясь по ступеням. — Что это вы тут строите? Рендейл повернул голову. Взгляд спокойный, без тени удивления. В углах глаз залегли знакомые морщинки, будто он заранее предвидел мой вопрос.

— Спортивную площадку, — ответил он. — Как говорят в вашем мире. Место для тела, чтобы разум не мешал. Без него магия ломает суставы, а не открывает каналы. Он шагнул в сторону, указывая посохом на зоны. — Смотри, там ты будешь учиться стрелять из лука. Стрелы будут ложиться в землю под углом, чтобы не рикошетили. А там, у берёз, отрабатываешь работу с мечами. Деревянные, затупленные, чтобы синяки не перерастали в переломы. А тут, в центре, с тобой будем медитировать и заниматься магией. Я оставил мягкий мох специально для падений. Знаю, что первое время гравитация будет к тебе беспощадна. Я кивнула, переводя взгляд

с одной зоны на другую. Всё было продумано до сантиметра. Никакого хаоса. Только функция. Каэль, не отрываясь от верёвок, добавил тихим, ровным голосом, в котором сквозила привычная техническая точность, смягчённая лёгкой теплотой: — Технически, нагрузка распределена оптимально. Левая зона — для кардио и выносливости. Правая — для координации и мышечной памяти. Центральная — для восстановления нервной системы. Если понадобится помощь с растяжкой, массаж уставших мышц или просто кто-то, кто будет подавать воду и следить, чтобы ты не перегрелась мои руки отлично справляются. Бесплатно. И с гарантией отсутствия мышечных спазмов. Выбор за тобой. Я не настаиваю. Но если согласишься, обещаю не сбить дыхательный лад. И не буду приставать. Ну, почти не буду. Рендейл хмыкнул, не скрывая лёгкой усмешки. Он поправил лямку на своём поясе и посмотрел на меня с той самой смесью строгости и скрытой заботы, которая уже стала привычной. — Он прав. Но сначала выживи после первого круга. Я не буду нести тебя обратно, если ты решишь, что магия заменяет разминку. Хотя, признаю, вид у тебя будет впечатляющий. Но мы всё же предпочитаем, чтобы ученицы доходили до финиша на своих двоих. А если всё же упадёшь подниму. Но с условием, что не будешь жалеть себя. Я закатила глаза, но внутри что-то тёплое шевельнулось. Забота, завёрнутая в шутки. Привычная. Безопасная. В моём мире люди требовали отчётов. Здесь они просто готовили мох для падений. — Ты двадцать

лет росла в мире без магии, — продолжил Рендейл, и голос стал тише, но плотнее. — Тебе нужно открыть каналы. Даже тут их сложно открыть. А тебе будет сложнее вдвойне. Не через напряжение. Через отпускание. Тело должно поверить, что земля держит. А разум — перестать диктовать условия. Я провела рукой по каменной дорожке. Камни были тёплыми, уложенными плотно, без зазоров, с лёгким шероховатым узором, который не давал скользить. — Эту дорогу видела? — я кивнула на узкую полосу, уходящую в лес. — Это как там у вас говорят, бегущая дорожка? — Беговая, — подправила я сама себя, усмехнувшись. — Это не важно. Суть ты поняла, — сказал Рендейл. — Сначала начни с быстрого шага. Принцип ты знаешь. Когда лес поймёт, что больше не можешь, она выведет тебя сама. Не бросит. Просто покажет, где остановиться. И где передохнуть. Каэль шагнул ближе, поправил лямку сумки и тихо добавил, глядя мне прямо в глаза: — Рекомендация: не форсировать старт. Начни с трёх километров. Если пульс зашкалит, просто остановись. Лес не накажет. Он просто подождёт. А если захочешь, чтобы кто-то бежал рядом и диктовал темп я готов. Мой шаг стабильный. И, между прочим, я отлично держу равновесие даже на скользких корнях. Выбор за тобой. Я не настаиваю. Но если согласишься, обещаю не обгонять. И не буду приставать. Ну, почти не буду. Рендейл кивнул, похлопав меня по плечу коротко, по-отечески: — Он не врёт. Но помни: магия не терпит суеты. Если бежишь от страха — споткнёшься. Если бе-

жишь с уважением — найдёшь дорогу. Даже если ноги откажутся. А мы будем ждать. Где бы ты ни оказалась. — Охреть, — выдохнула я. — То есть я даже схалтурить не смогу. — Нет, — ухмылкой ответил Рей. — Но прежде вытащи растения, деревья и семена. Остальное потом. В доме места нет. Придётся строить новый дом. Ну или комнаты с боку. Я уже прикинул фундамент. Если захочешь, завтра начнём. Или послезавтра. Как решишь. Я подошла к сумке, достала камень. Он лежал в ладони тяжёлый, матовый, но внутри уже ждал команды. Взяла его в руки, погладила. Блестящая сердцевина мигнула, будто ответила на прикосновение.

— Спасибо тебе, — прошептала я. Я знала: хранитель слышит. Камень ведь связан с ним. Не требовал слов. Только намерения. Мысленно пожелала вытащить то, что просили. Камень потеплел. Не резко. Ровно. Будто внутри проснулся механизм, который давно спал. Воздух дрогнул. И куча семян, и мешки картошки, батата, и пшеницы стояли горой. Семена появились кучей посередине площадки. Рядом рассада овощей и клубники в пластиковых кассетах и глиняных горшках. Никакого шума. Никакого ветра. Просто переход из одного пространства в другое. — М-да, может переборщила с покупками, — усмехнулась я, отступая на шаг. Каэль хмыкнул. Тихо. Без насмешки. Скорее, с одобрением. А Рей спрятал улыбку, но глаза выдали: он оценил не объём, а готовность. — Технически, логистика на высоте, — заметил Каэль, подходя к куче семян. — Если правильно распреде-

лить по зонам, урожай обеспечит автономность на три года минимум. А если понадобится помощь с переноской тяжёлых мешков или установкой теплиц мои плечи в твоём распоряжении. Бесплатно. И с гарантией, что не уроню ни одной кассеты с клубникой. Выбор за тобой. И да, если захочешь, могу собрать автоматическую систему полива. Работает на конденсате. Без магии. Но с моим участием. Рендейл положил посох на землю, покачал головой: — Пусть сначала привыкнет к земле. Потом к лопате. А потом уже к нам. Но да, мы не бросим. Даже если ты решишь засадить весь склон бананами. Хотя, признаю, твои амбиции временами пугают больше, чем разломы в поле. Но в хорошем смысле. В том, где хочется просто стоять рядом и смотреть, как ты строишь свой мир. Я рассмеялась, чувствуя, как напряжение в плечах отпускает. — С бананами потом. Сначала выживем после картошки. — Слушай, Рей, — спросила я, переводя взгляд на него, — а поля рядом с лесом никто ведь не сажает? Рей хмыкнул. — Кто тут наберётся храбрости что-то сажать. Почва живая. Корни старых деревьев уходят глубоко. Вспашка может задеть источник. А если заденешь — лес ответит. Не злостью. Тишиной. Вода уйдёт. Зерно не взойдёт. Люди помнят. Не трогают. — Ну тогда их ведь можно купить? Или арендовать, — пожалала я плечами. — Хм, думаю, их можно купить за бесценки, — задумчиво ответил Рей. — Лучше купить. Если что там вырастет, землю поднимут в цене. Аренду тоже. Но покупка надёжнее. Чтобы никто

не пришёл и не сказал «это моё». Лес любит хозяев. Не временных жильцов. Рендейл заметил мой задумчивый взгляд и тихо добавил: — Не торопись. Лес не любит сделок, заключённых в спешке. Сначала научись слышать его. Потом уже договаривайся. А пока начни с того, что у тебя под ногами. И не волнуйся. Мы рядом. Даже если ты решишь купить весь склон. Хотя, признаю, твой энтузиазм временами пугает больше, чем разломы в поле. Но я не против. Лишь бы ты не перегорела. Каэль тихо усмехнулся: — Технически, энтузиазм — это топливо. Главное, чтобы не перегрело двигатель. Но я готов быть термостатом. Если понадобится. И, кстати, если тебе понадобится кто-то, кто будет проверять качество почвы перед посадкой я умею отличать живую землю от мёртвой. Бесплатно. И с гарантией точности. Выбор за тобой. — А сейчас поворот и побежала, — сказал он, отводя посох в сторону. — Изверг, — огрызнулась я, но побежала. Сначала шагом зашла в лес. Там была ровная дорога. Ускорила шаг. Пять лет не занималась спортом. А раньше это был мой лад. Эх, выдержка не к чёрту. Совсем себя запустила. Я же теперь ГЕРОИНЯ романа моих любимых фэнтези. Осталось мир спасти и ПРИНЦА найти. Осталось только не споткнуться о собственный энтузиазм. В голове послышался хмык. Тихий. Сухой. Будто кто-то сидел рядом и наблюдал. — О, шиза, привет, — мысленно отозвалась я. — Давно тебя не слышала. Только придурков с моего мира запугать хотят. Ну ничего, стану сильным магом и подпалю им пятую точ-

ку. Или хотя бы заставлю носить нормальную обувь. Я ускори-
лась. Выровняла дыхание. Шаг, шаг, шаг. Лес сомкнулся
над тропой. Свет пробивался сквозь листву пятнами. Воздух
стал гуще. Пах мхом, сырой корой, далёкой водой. Минут
через двадцать я выдохлась. Через десять ползла. А лес, за-
раза, не отпускал. Тропа не стала легче. Но перестала давить.
Будто кто-то снял невидимую руку с плеч. Увидела наконец
конец дороги, но он шёл не к дому. Он привёл к озеру. Лёг-
кие горели. Ноги ватные. Но внутри, вместо паники, возник-
ло странное, тихое удовлетворение. Я дошла. Не сдалась. Не
остановилась. Лес принял. Не как гостя. Как того, кто готов
платить за место под солнцем потом. И потом. И потом. Вда-
леке, у опушки, мелькнули две фигуры. Не вмешивались. Не
кричали. Просто ждали. Потому что доверяли. Потому что
знали: иногда, чтобы найти свою дорогу, нужно сначала поз-
волить себе сбиться с курса.

— Зараза зелёная, — проорала я лесу, падая на колени.
— Это же не мой дом! В голове хохотнули. Тёпло. Без на-
смешки.

— Отдохни, — сказала мне шиза. — Это правильно. На-
до отдохнуть. Лежала на траве. Думала, умру. Лёгкие горели.
Воздух не хотел входить. Потом огляделась. Красота. Со
скалы падал водопад. Внизу кристально чистая вода, бьющая-
ся о камни, рассыпаясь белой пеной. Интересно, а там кам-
ни есть? В голове хихикнули. Огляделась вокруг. А там сто-
ял хранитель. Высокий. Белоснежный. Рог сиял, как осколок

луны. Он не нависал. Не давил. Просто стоял. Как страж, который знает, когда нужно дать передышку. Я потянулась, чувствуя, как мышцы ноют, но не ломаются.

— Привет, — прошептала я, садясь. — Это сюда меня вывел? Он кивнул. Медленно. Шагнул ближе. — Я вспотела, — констатировала я. — Надо искупаться. Разделась до белья. Потом посмотрела на единорога. — Ты чего тут высматриваешь? Глаза выколю. Он фыркнул. Тихо. Отвернулся. Будто сказал: « Мне всё равно. Но не замерзни.» Бельё решила оставить. Хоть конь рогатый, но не удобно. Тихо зашла в воду. Она щекотала ступни. Дно было песчаным. Мягким. Проваливающимся под пальцами. Вода была холодной, но не ледяной. Будто лес специально нагрел её на солнце, чтобы смягчить удар по разогретому телу. Я сделала ещё шаг. Глубже. Колени ушли под воду. Потом бёдра. Дыхание выравнилось. Боль в мышцах отступила. На берегу, за деревьями, мелькнули силуэты. Не подходили. Не смотрели. Просто стояли спиной, давая пространство, но готовые прийти по первому зову. Забота без навязчивости. Редкость. Я оценила.

— Зайди полностью. Окунись. Так надо, — я услышала чёткий приказ. Не голос. Отзвук. Будто сама вода сказала. Я подумала. Решила: почему бы и нет. Зашла глубоко. Окунулась. Прошла рябь по воде. Сначала вода щекотала. Потом чуть подкусывала. Это было странно. Будто миллионы крошечных игл касались кожи, не раня, а пробуя. Потом начало

меня глотать. Тело начало полыхать. Пронзила адская боль. Невольно сжалась. Пришла мысль: всё, умираю. И уходила ко дну. Темнота подступила. Не сверху. Изнутри. Будто вода впитывалась в поры, не оставляя воздуха. Лёгкие сжались. Сердце колотилось где-то в горле. Я попыталась вынырнуть, но руки не слушались. Тяжёлые. Будто свинцовые. В голове зазвенело. Тонко. Высоко. Будто струна лопнула. Но вместо паники возникло странное, ровное осознание. Это не конец. Это чистка. Лес не убивает. Он обновляет. Я расслабилась. Не боролась. Просто позволила. И тогда боль сменилась теплом. Не обжигающим. Глубоким. Идущим из костей, из крови, из самого центра груди. Вода перестала давить. Стала лёгкой. Будто держала. Не тянула вниз. Поднимала. Я открыла глаза под водой. Всё было размытым. Зелёным. Спокойным. А на берегу, я знала, стоят двое. Не вмешиваются. Не кричат. Просто ждут. Потому что доверяют. Потому что знают: иногда, чтобы начать дышать, нужно сначала научиться не бояться задерживать глоток. Но вода не отпускала. Она тянула глубже. Внутренности сжало спазмом. В ушах звенело. Границы между мной и озером стёрлись. Сознание потекло, как песок сквозь пальцы. Я хотела зацепиться за мысль о доме, о камне, о тех, кто ждал на берегу. Но мысль ускользнула. Осталась только тяжесть. И тишина. Тело перестало сопротивляться. Руки обмякли. Голова запрокинулась. Вода сомкнулась надо мной. Я потеряла сознание, уходя в глубину, где боль растворялась в покое, а страх — в

доверии. На берегу шаги не прозвучали. Только тихий, ровный гул леса. И ожидание.

Глава 3. Боль, тишина и техника неправильного дыхания

Боль пронзала всё тело. Не локализовалась. Не собиралась в одном месте, чтобы можно было хотя бы мысленно обозначить эпицентр катастрофы. Она выкручивала суставы, жгла нервные окончания, вырывала дыхание из груди, будто кто-то сжал лёгкие в кулак и намеренно не отпускал, наслаждаясь процессом. Мир сузился до одной пульсирующей точки, а затем погас. Не постепенно, как гаснущая свеча. Резко. Как обрушенное небо. Как обрыв натянутой до предела нити. Как падение в воду, где нет дна, а есть только давление, холод и тишина, которая не спасает, а забирает.

Сознание вернулось рывками, словно старая плёнка, которую пытаются прокрутить через заевший механизм. Сквозь густой туман боли пробивалось странное ощущение движения. Кто-то нёс. Не на спине, как мешок с картошкой. На руках. Лёгко. Уверенно. Шаги не трясли, а словно скользили над землёй. Дыхание рядом было ровным, спокойным, пахло не дымом и старой шерстью, как у Рендейла. Пахло мхом, сосновой смолой, дождём и чем-то древним, как кора самого первого дерева, которое когда-либо росло в этом лесу. Я попыталась открыть глаза. Не вышло. Веки были налиты свинцом. Только тёмные силуэты, мелькающие ветки, ред-

кий свет, пробивающийся сквозь кроны. Потом — знакомый скрип двери. Прохлада комнаты. И тишина, которая весила больше, чем все мои кости вместе взятые. Я не видела его лица тогда, в полубессознательном состоянии. Но позже узнала. Это был не Рендейл. Это был Аланиэль. Хранитель леса. В своём истинном, эльфийском обличье. Высокий. Статный. С острыми, аристократичными скулами, пронзительно голубыми глазами, в которых читалась вечность, и белоснежными волосами, собранными в низкий, строгий хвост. Плащ колыхался за спиной, не задевая косяков. Шаги не оставляли следов на половицах, словно он не шёл, а парил. Магия текла по его венам ровно, как горная река, но сейчас она напряглась, сжалась в тугой узел. Он нёс меня не как ношу. Как то, что категорически нельзя уронить. Даже если руки дрожат от напряжения. Даже если сердце бьётся в ритме, который вот-вот сорвётся в панику.

Дверь распахнулась раньше, чем он успел сделать шаг к кровати. Рендейл уже стоял в проёме. Не в плаще. В простой рубаше, закатанной по локоть, обнажая предплечья, покрытые старыми шрамами. Лицо — ни тени привычного спокойствия. Только зверь. Только ярость, готовая разорвать пространство. Он увидел меня. Бледную. В синяках. Почти неживую. Губы слегка приоткрыты. Дыхание — тонкое, прерывистое, будто нить, которую кто-то держит на весу, боясь дернуть и оборвать окончательно. Воздух в комнате сжался. Будто перед обвалом.

— Зачем?! — голос сорвался. Не крик. Рык. Звук зверя, которого загнали в угол и отобрали самое дорогое. — Ты это сделал. Зачем?! Аланиэль не остановился. Не опустил меня резко, как мешок с мусором. Просто подошёл к кровати. Аккуратно, с пугающей бережностью, положил на матрас. Одеяло само собой, движением руки, укрыло плечи. Ткань зашуршала в тишине. Он отступил на шаг. Спина прямая. Взгляд ровный. Без оправданий. Без вины. Просто факт. Будто он принёс не девочку. А цену. Которую знал заранее и был готов заплатить.

Рендейл шагнул. Замахнулся. Удар пришёлся в плечо. Кость хрустнула под ладонью с отвратительным, глухим звуком. Эльф не отступил. Не поднял руку. Не защитился. Просто стоял, принимая удар. Рендейл ударил снова. В бок. Потом в грудь. Пока рука не устала. Пока дыхание не сбилось. Пока ярость не уперлась в глухую стену его молчания. Пока костяшки не покрылись ссадинами, а воздух не пропитался запахом озона и старой, напуганной древесины. Аланиэль не сопротивлялся. Принимал. Как земля принимает осенний дождь. Как дерево принимает удар топора. Не потому что был слаб. Потому что знал: ярость должна выйти. Иначе она разорвёт того, кто её держит, изнутри.

— Теперь, если она выживет, у неё будут проблемы с силой, — прохрипел Рендейл, отступая и сжимая побелевшие кулаки. Голос дрожал. Не от страха. От боли, которая рвала горло. — Неконтролируемой. Ты это понимаешь? Понима-

ешь?!

Аланиэль поднял глаза. В них не было холода. Только тяжесть. Та самая, которая не давит на плечи, а весит в груди.

— Понимаю, — ответил он. Голос ровный. Как ручей под камнем, скрывающий бурное течение. — Со временем она бы раскрыла свою силу. Когда? Через лет сто или двести. Но в ней нет этого времени. Ты сам это знаешь. Те, кто искали, там найдут её и тут. Думаешь, ты всегда будешь рядом? А что, если даже будешь рядом, не сможешь защитить? Рендейл замер. Руки медленно опустились. Пальцы ныли. Костяшки кровоточили, оставляя капли на полу. Он смотрел на меня. На бледное лицо. На сжатые кулаки. На то, как ресницы дрожат во сне, будто я всё ещё тону. Всё ещё борюсь. Всё ещё считаю вдохи, которые не приходят. Он знал, что Аланиэль прав. Каждый в этой комнате знал. Логика была безупречна. Как лёд. Как закон природы. Лес не даёт времени в кредит. Враги не ждут, пока ты выспишься. Магия не растёт в теплице под лампой. Она рождается в разломе. В давлении. В моменте, когда тело кричит «хватит», а поток отвечает «ещё». Аланиэль ускорил то, что должно было случиться само. Не ради славы. Не ради жестокого испытания. Ради выживания. Ради того, чтобы я не стала лёгкой жертвой того, кто уже шёл по моему следу. Ради того, чтобы Рендейл не стоял над моим телом, когда будет слишком поздно. Он не мог вынести мой вид. Не мог вынести, как слабо бьётся мой пульс. Не мог вынести, что он выбрал между мо-

им комфортом и моей жизнью, и понял, что комфорт — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Знание не унимало боль. Оно только делало её острее. Как соль, щедро сыпанная на открытую рану. Он сел на край кровати. Положил ладонь мне на лоб. Кожа была ледяной, неестественно холодной. Он закрыл глаза. Вдохнул. Выдохнул. Не магию. Просто присутствие. Не силу. Не контроль. Просто то, что он здесь. Не уйдёт. Будет держать. Пока не проснусь. Пока не научусь дышать без страха. Пока не пойму, что поток — не враг. Не друг. Часть. Как дыхание. Как шаг. Как такт, который не требует доказательств. Только принятия. Аланиэль отступил. Тихо. Не исчез в тени, как призрак. Просто отошёл к двери. Остановился. Не спрятался. Просто стоял. Как тот, кто выполнил необходимое. И готов нести последствия, какие бы они ни были.

Каэль вошёл следом. Не записывал. Не чертил схемы в своём вечном журнале. Просто положил на тумбочку кружку с водой. Тихо. Без слов. Но прежде чем отойти, он наклонился ко мне, его голос прозвучал едва слышно, с той самой сухой, технической заботой, которая стала его визитной карточкой:

— Технически, температура твоего тела ниже нормы на полтора градуса, но пульс стабилизируется. Если тебе понадобится кто-то, кто будет подавать воду с идеальной температурой 36,6 и массировать виски, когда начнётся головная боль... мои руки свободны. Бесплатно. И с гарантией отсут-

ствия побочных эффектов. Выбор за тобой. Я не настаиваю. Но если согласишься, обещаю не храпеть. Ну, почти не буду. Тильда появилась с корзиной трав. Не спрашивала. Не комментировала. Не стала читать мораль о том, что я опять вляпалась в неприятности. Просто начала раскладывать сушёные листья, корни, миски с тёплой водой. Движения были точными. Бережными. Будто она не врачевала тело. Успокаивала пространство вокруг него, выметая тревогу метлой из пыли и мят. Я не видела этого тогда, в бессознательном состоянии. Но позже пойму. Что боль была не наказанием. А мостом. Что удары Рендейла были не гневом. А любовью, которая просто не умеет говорить мягко и вежливо. Что молчание Аланиэля было не безразличием. А ответственностью, которая не ищет похвалы и не ждёт благодарности. И что дом — это не стены и не крыша. Это люди, которые готовы бить, принимать удары, сидеть у кровати и ждать, пока дыхание снова станет ровным, даже если на это уйдёт вся ночь.

Ночь опустилась без резких переходов. Свет за окном сменил оттенок с золотого на пепельно-синий. Воздух остывал. Не холодел. Просто менял плотность, становясь гуще, тише. Рендейл не отрывал ладони. Не менял позы. Не просил покоя для себя. Он просто был. Как камень у костра. Не греет навязчиво. Просто держит тепло. Как берег у реки. Не тянет. Просто ждёт. Как тот, кто знает: магия не учится через страх. Она учится через покой. Через то, что наконец перестало быть врагом и стало частью меня.

Внутри не было восторга. Не было паники. Было тихое, ровное признание. Он сделал это. Не через силу. Не через страх. Через такт. Через дыхание. Через необходимость, которая не спрашивает разрешения. Но сейчас он не учил. Он держал. Не магией. Руками. Тишиной. Присутствием. Завтра будет тяжело. Сила вырвется. Поток собьётся. Каналы будут ныть, как старые суставы перед дождём. Тело будет просить покоя, а магия — движения. Но сегодня — он держит. Не отступит. Не отвернётся. Не позволит никому уйти, пока я не открою глаза.

Вечер закончился. Ночь наступила. Тишина осталась. Рендейл всё ещё сидел. Ладонь на лбу. Глаза закрыты. Дыхание ровное. Аланиэль стоял у порога. Спина прямая. Взгляд в пол. Каэль дремал на табурете, время от времени бормоча во сне что-то о «коэффициенте трения» и «оптимальной влажности». Тильда ушла, оставив травы у изголовья, пахнущие спокойствием.

Я спала. Не глубоко. Не легко. Просто так, как спят те, кто только что перешёл границу, за которой нет возврата, и чудом оказался на той стороне. Поток внутри не застыл. Он тек. Медленно. Неуверенно. Нашупывая новые русла, как слепой щенок ищет мать. Каждый новый канал открывался не со щелчком. С лёгким покалыванием, будто вода просачивается сквозь сухой песок, находя путь к корням. Иногда пульс срывался. Иногда дыхание становилось короче. Рендейл чувствовал это через ладонь. Не пытался исправить. Не

направлял насильно. Просто следил. Ждал. Знал: если вмешаться сейчас, можно сломать то, что ещё не окрепло. Магия не терпит нетерпения. Она терпит присутствие. Он был здесь. Не как учитель. Не как страж. Как якорь. Тот, кто не даёт унести в открытое море, пока шторм не стихнет.

Утро приближалось незаметно. Сначала посветлело небо за стеклом, окрасившись в бледно-розовый. Потом запахло утренней росой и хвоей. Потом птицы начали перекликаться, не спеша, проверяя, можно ли уже просыпаться и не быть съеденными.

Рендейл открыл глаза. Ладонь всё ещё лежала на лбу. Кожа стала теплее. Не горячей. Просто живой. Дыхание выровнялось. Ровное. Глубокое. Без дрожи. Без заминок. Он медленно убрал руку, словно боялся спугнуть хрупкое равновесие. Встал. Подошёл к окну. Отодвинул штору на сантиметр. Посмотрел на двор.

Аланиэль всё ещё стоял у крыльца. Не ушёл. Не сел. Просто ждал. Белоснежные волосы чуть поблёскивали в первых лучах. Плащ не колыхался. Воздух вокруг него был неподвижным. Будто лес задержал дыхание, чтобы не потревожить тишину внутри дома.

Каэль проснулся на табурете. Потёр лицо, поправил съехавшие очки. Взглянул на кровать. Увидел, как я поворачиваюсь на бок, как ресницы дрожат, как губы слегка разжимаются, выпуская первый осознанный, пусть и хриплый, вздох. Он кивнул. Не себе. Рендейлу. Просто подтверждение: кри-

зис прошёл. Не победа. Выживание. Но выживание — это уже шаг. А шаги можно улучшить, если правильно рассчитать биомеханику.

Тильда вошла тихо. Поставила на поднос кружку с отваром. Не спросила, как спал. Не посмотрела на синяки. Просто наклонила голову в сторону кровати. Будто говорила: проснётся — выпьет. Не проснётся — подождём. Никакой спешки. Никакой тревоги. Только такт. Только забота, которая не требует слов и не выставяет счетов.

Я открыла глаза не сразу. Сначала почувствовала тепло. Потом запах трав, сладковатый и горький одновременно. Потом тяжесть в конечностях, которая не была болью. Была памятью тела о прошедшем напряжении, как после марафона, к которому ты не готовился.

Повернула голову. Увидела Рендейла у окна, напряжённого, как струна. Увидела Аланиэля в дверях, статного и неподвижного. Увидела Каэля, который уже наливал воду в миску, делая это с хирургической точностью. Увидела Тильду с подносом. Все были на месте. Не суетились. Не задавали глупых вопросов вроде «ты как?». Просто были рядом.

Внутри не было страха. Не было паники. Было тихое, ровное признание. Я пережила. Не потому что была сильной. Потому что меня держали. Не магией. Руками. Тишиной. Присутствием.

Я попыталась сесть. Рендейл обернулся. Шагнул ближе. Не помог. Не остановил. Просто стоял рядом, готовый под-

хватить в любую секунду. Пока я сама не нашла опору. Пока локти не впились в матрас. Пока спина не выпрямилась. Пока дыхание не стало моим. Не чужим. Не чужим.

Взглянула на руки. По венам прошла тонкая, едва заметная рябь. Не серебряная. Не магическая в привычном, книжном смысле. Просто живая. Каналы. Открытые. Не все. Но первые. Те, что держали дыхание. Те, что не давали потоку вырваться наружу и сжечь всё вокруг. Поток внутри не застыл. Он тек. Медленно. Неуверенно. Нащупывая новые русла. Иногда пульс срывался. Иногда дыхание становилось короче. Но уже не пугало. Уже не выкручивало. Просто текло. Как вода, которая наконец нашла своё русло и перестала бороться с гравитацией.

— Ты перестала бороться, — сказал Рендейл. Не вопрос. Утверждение. Голос ровный. Без восторга. Без облегчения. Просто фиксация факта.

— Вспомнила твой совет, — ответила я, проведя ладонью по лицу, чувствуя, как голос скрипит, как несмазанная дверь. — Оказывается, тонуть — это просто крайне неэффективная техника дыхания. В следующий раз попробую не дышать водой.

Каэль кивнул. Медленно. В глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение, смешанное с лёгкой иронией.

— Каналы открыты до третьего уровня, — отметил он тихо, делая пометку в воздухе, хотя журнала в руках не было. — Не полный поток. Но функциональный. Тесты академии

не сломают тебя. Давление пройдёт. Не через силу. Через русло. И, кстати, если тебе понадобится репетитор по «эффективному дыханию вне воды», я составлю индивидуальную программу. Бесплатно. И с гарантией, что ты не утонешь на суше.

Я посмотрела на Аланиэля. Он не отводил взгляда. Не извинялся. Не оправдывался. Просто стоял. Как тот, кто знает цену тишины. Как тот, кто готов нести её дальше, даже если за это его бьют.

— Спасибо, — прошептала я. Не за удары. Не за боль. За то, что не дал утонуть. За то, что выбрал жизнь, даже когда она выглядела как смерть, и был готов принять за это мою ненависть.

Он кивнул. Один раз. Медленно. Потом отвернулся. Шагнул за порог. Не исчез. Просто ушёл в свет. Оставив после себя тишину, которая не давила. А обнимала.

Рендейл сел на край кровати. Не близко. Не далеко. Просто рядом.

— Завтра будет тяжело, — сказал он, и в его голосе не было лжи или попыток приукрасить реальность. — Сила вырвется. Поток сойдёт. Каналы будут ныть. Тело будет просить покоя, а магия — движения. Но ты справишься. Не через волю. Через такт. Через то, что наконец перестало быть врагом и стало частью тебя.

Я кивнула. Взяла кружку с подноса. Выпила медленно. Отвар был горьким. Тёплым. Настоящим. Не как в аптеке с

пластиковыми стаканчиками. Как дома. Как должно быть.

Вечер ещё не наступил. Но уже дышал. Не спеша. Не требуя. Просто был рядом. Я отставила кружку. Вытерла губы. Посмотрела в окно. Двор ждал. Дорожки. Гряды. Сарай. Лес. Всё было на месте. Не хаос. Структура. Не груз. Начало.

Завтра — разметка. Вспашка. Каналы. Тренировки. Академия. Чужие стены. Новые правила. И, вероятно, новые попытки Каэля предложить свои услуги по «оптимизации моего магического потенциала».

Но сегодня — я выдержала. Не через силу. Через такт. Через то, что наконец перестало быть врагом и стало частью меня. И этого было достаточно. Чтобы вдохнуть. Чтобы выдохнуть. Чтобы сделать шаг. Не вперёд. Не назад. Просто в такт. С землёй. С водой. С собой. И с теми, кто решил, что я стою того, чтобы за меня драться, даже когда я сама была готова сдаться.

Глава 4. Утро, огонь и сердце, которое говорит шёпотом

Утро не наступило, а проступило. Туман ещё цеплялся за нижние ветви ивы, когда я вышла во двор и хлопнула в ладони. Звук прозвучал глухо, как удар по сырому дереву, но сработал. Под старой кроной собрались все. Не по команде. По привычке. Рендейл опирался на посох, взгляд скользил по линии горизонта, будто считал невидимые узлы в воздухе. Каэль стоял чуть позади, руки в карманах куртки, лицо спокойное, готовое слушать. А Аланиэль... Сегодня он не прятался за шкурой и копытами. Высокий, в простой рубахе из грубого льна, белоснежные волосы схвачены кожаным шнурком, пронзительно голубые глаза смотрели прямо, без тени звериной осторожности. Эльфийское обличье. *Жаль*, — мелькнуло в голове. — *Больше не смогу звать его рогами.

*В ответ внутри тихо хмыкнули. Не зло. С теплом. Будто кто-то давно слушал и ждал, когда я наконец замечу не форму, а суть.

— Итак, — начала я, не трата время на вступления, — нам нужен план. Чёткий. По шагам. Без импровизаций, пока я не научусь контролировать то, что сейчас бушует внутри. Голос звучал ровнее, чем я ожидала. Тело ныло, каналы

пульсировали, но разум уже собрался в кулак.

— Нам нужны деньги вашего мира. Не золото. Не монеты. Бумага, пластик, цифры на счетах. Нужно узнать у вашей администрации, или как вы называете тех, кто ведёт учёт земель, сколько стоит участок рядом с лесом. И желательно побольше. Не клочок. Полоса. Чтобы вспахать. Чтобы посадить всё, что привезла. Деревья сажаем сегодня в нашем саду. Земля тут необычная, живая, думаю, они приживутся быстро. Клубнику, рассаду овощей — тоже сегодня. Весна не ждёт. Если упустим окно, придётся ждать до осени. А у нас нет осени в запасе.

Я сделала глубокий глоток воздуха, медленно выпустила его. Ветер тронул ветви, посыпав на плечи горсть старой листвы.

— Рендейл, Хранитель, кто сможет дать мне в долг? Деньги верну. Можно письменно всё оформить. Заверить. Юридически. По вашим правилам и по моим. Не на слово. На бумаге.

Рендейл кивнул медленно. Плащ колыхнулся, но шаги остались на месте.

— В трактире на перекрёстке сидят те, кто знает цены. И те, кто знает, куда стучать. Схожу. Уточню. Вернусь с картой и списком имён.

— Хранитель, — повернулась я к Аланиэлю, — а ты сможешь повернуть корни? Углубить их? Чтобы моя вспашка не задела источник? Чтобы земля не ответила тишиной?

Он кивнул. Один раз. Медленно. Без слов. Просто знак согласия. Потом шагнул назад. Исчез в тени деревьев. Не растворился. Просто стал частью леса, как капля, упавшая в реку. Рендейл уже шёл к тропе. Посох стучал о камни ровно. Я не провожала его взглядом. Смотрела на землю. Тёмную. Рыхлую. Готовую.

— Не хочу опоздать на посевы, — прошептала я себе. — Пока весна. Пока тепло. Пока почва дышит. Каэль подошёл ближе. Не спрашивал. Не оценивал. Просто стоял рядом, его плечо почти касалось моего.

— Пока не пришла в себя до конца, — сказал он тихо, и в его голосе прозвучала та самая сухая, но обволакивающая забота, — давай тренироваться. Не в силе. В удержании. Медитация. Пойдём на задний дворик. Там магический кокон. Не даст прорваться неконтролируемой магии. Не сожжёт. Не выбросит. Просто удержит. И, кстати, если тебе понадобится кто-то, кто будет подавать воду с идеальной температурой и массировать виски, когда начнётся головная боль, я в распоряжении. Бесплатно. И с гарантией отсутствия побочных эффектов. Выбор за тобой.

— Хорошо, — ответила я, чувствуя, как щёки предательски теплеют. — Идём. Дворик был небольшим, окружённым низкими кустами и старыми пнями. Каэль провёл рукой по воздуху. Линии дрогнули. Стены из света встали невидимым куполом. Внутри воздух стал плотнее. Пахло озоном и сухой травой. Я села на камень. Закрыла глаза. Сделала глубокий

глоток воздуха. Медленно выпустила его. Пыталась найти такт. Но каналы, открытые вчера водой, ещё гудели. Не бо-
лью. Напряжением. Будто струны, которые натянули слиш-
ком быстро. Медитация не выходила. Мысли скакали. Тело
просило движения. Не покоя. Я открыла глаза. Подняла ла-
дони. Решила сделать фаербол. Простой. Маленький. Чтобы
проверить, держится ли поток.

— Э-э, не надо, — вскрикнул Каэль, шагнул вперёд. Руки
уже подняты. Но было поздно. Ситуация вышла из-под кон-
троля. Я не тянула. Не гнала. Но поток нашёл выход сам. Не
шар. Струя. Горячая. Резкая. Метнулась в сторону. Он хотел
поджечь Каэля. Не из злости. Из паники. Из того, что магия
не знала, куда деться, и выбрала ближайшую цель, которая
пахла спокойствием и технической уверенностью.

— Убери его! — орала я, отскакивая назад. Бегала по дво-
ру, пытаюсь поймать лад, но ноги не слушались, дыхание сби-
валось, а огненная лента змеилась по траве, оставляя чёрные
полосы. Ситуацию спас Хранитель. Он появился не из леса.
Из воздуха. Будто шагнул из тени. Рог блеснул. Шар пшиком
исчез. Не погас. Впитался. В землю. В воздух. В тишину.

Я остановилась. Грудь ходила ходуном. Ладони дрожали.
Каэль стоял на месте. Не отступил. Не дрогнул. Просто смот-
рел, поправляя съехавшие очки.

— Пошли, — обернулся он ко мне, и в его голосе не было
ни упрёка, ни страха. Только спокойная констатация факта.
— Опять пошёл? Ладно, идём, — выдохнула я. — Больше

не будет, как вчера? — спросила я с опаской, вытирая пот со лба.

Он покачал головой.

— Нет. Ты не теряла контроль. Ты теряла направление. Вчера вода вымыла стены. Сегодня поток ищет русло. Он найдёт. Не сразу. Но найдёт. Кстати, если тебе понадобится кто-то, кто будет стоять с огнетушителем и подавать воду с идеальной температурой, я в распоряжении. Бесплатно. И с гарантией, что не обожгусь. Выбор за тобой.

— Скажи, если Рей вернётся, что мы ушли вместе, — попросила я, поправляя куртку.

Каэль кивнул. Без слов. Просто подтверждение.

Мы вышли из двора. Купол растворился за спиной. Не хлопком. Шёпотом. Будто его и не было. Мы шли не по тропе. По краю леса. Трава была высокой, влажной, цеплялась за ботинки. Воздух пах мхом, сыростью, далёкой водой. Каэль шёл впереди. Не быстро. Не медленно. Просто вёл, время от времени оглядываясь, чтобы убедиться, что я не отстаю, и предлагая руку на особенно скользких участках, от чего я каждый раз фыркала, но внутренне была благодарна. Я шла следом. Тело ныло. Каналы пульсировали. Но внутри не было страха. Только усталость. И тихое, ровное признание, что я жива. Что я иду. Что я не одна.

Мы пришли к вчерашнему озеру. Вода лежала зеркалом. Скала у кромки отбрасывала длинную тень. Каэль обогнул водопад с краю. Тропа сузилась. Камни стали скользкими.

Он остановился у плоской стены, заросшей лишайником. Я подошла. Устало выдохнула, опираясь рукой о мокрый камень.

— Чего мы тут забыли? — спросила я.

Он дотронулся рогом о скалу. Не сильно. Точно. Камень дрогнул. Пошёл гул. Тонкий. Ровный. Стена расступилась. Не с грохотом. С шелестом. Будто кто-то отодвинул тяжёлую занавес.

— Охренеть, — выдохнула я, заглядывая внутрь. — Пещера Али-Бабы. Сим-сим, откройся! — крикнула я в темноту, потом рассмеялась. — Не закрылась. Видимо, пароль сменили.

В голове хмыкнули. Тихо. Тепло. *«Шиза, идём, сокровище брать»*, — мысленно отозвалась я, шагая внутрь. Хранитель фыркнул. — Ладно, я согласна, веди. Чур, половина моя, — добавила я вслух. Лошадка закатила глаза. Это, наверное, искусство у него такое. Эх, была не была.

Вошли. Повернули чуть за угол. Темнота расступилась. В центре пещеры, на каменном постаменте, лежал камень. Килограммов на пятьдесят, не меньше. Огранённый. Блестящий. Не алмаз. Не кварц. Что-то древнее. Живое. Внутри него будто спала гроза.

— Как я, по-твоему, это потащить смогу? — усмехнулась я, обходя его по кругу.

Голос прозвучал не в ушах. В голове. Чёткий. Ровный. Без эха. *Дитя, нельзя его утащить. Это сердце леса. И магиче-

ский источник. Приложи руки к камню. Пусть магия течёт от тебя к камню. Не тяни. Не забирай. Отдавай. *Я замерла. Обернулась. Пещера была пуста. Только я. Только камень. И тихое ржание сбоку. Будто ветер прошёл сквозь сухую траву.

— Стоп, — прошептала я, глядя в тень у входа. — Всё время со мной говорил ты? *А кто же ещё?* — вопросом на вопрос ответил Хранитель. Он не вошёл. Просто стоял у порога. В облике эльфа. Но голос был тем же. Тем, что я слышала в воде. В голове. В тишине.

— Я думала, шиза, — хихикнула я, чувствуя, как внутри разжимается пружина, которая тянулась с первого дня.*Нет, ты не шизанутая*, — услышала я его голос, мягкий, без насмешки.

— *Ты забавная.*

— А ты знаешь, что значит «шиза»? — спросила я, уже не отрывая взгляда от камня.

*Что я слышу тебя в голове?

Знаю. Раз я тебя слышу, я много что знаю.

*— Это что-то вроде мыслечтения?

Он просто кивнул. Не словами. Движением. Знаком. — А можно я сидя это сделаю? — вздохнула я, чувствуя, как колени подкашиваются. — Сил после вчерашнего нет. Вообще.

Да, девочка.

Я подошла к выступу напротив камня. Села. Положила руки на холодную, шершавую поверхность постамента. Потом переложила на сам кристалл. Он был тёплым. Не от

солнца. Изнутри. — А сколько нужно так оставаться? — спросила я, закрывая глаза.

* Пока не почувствуешь, что силы, которая распирает, нет. Пока поток не станет рекой. А не плотиной.

* Я положила ладони ровно. Не сжала. Не отпустила. Просто коснулась.

* Лей по каплям*, — прошептал голос в голове. — *Как воду. Не шлангом. Дождём.*

Я старалась. Как он просил. Сделала глубокий глоток воздуха. Медленно выпустила его. Представила не огонь. Не свет. Воду. Каплю за каплей. Из запястий. Из ладоней. В камень. Сначала ничего. Потом — отклик. Камень, который был тускло светлым, с каждой «каплей» стал переливаться. Внутренние грани зажглись. Не ярко. Ровно. Будто внутри развели огонь из сухих веток. Я не открывала глаза. Не смотрела. Просто дышала. Капля. Медленный выдох. Капля. Медленный выдох. Вскоре стало больно смотреть на камень. Даже через веки пробивался свет. Не слепящий. Насыщенный. Я просто закрыла глаза плотнее. Расслабила плечи. Отпустила напряжение. И, кажется, уснула. Не провалилась. Просто поплыла. В тишину. В тепло. В такт, который наконец перестал требовать усилий. А просто был. Рядом. Как Каэль, который, я знала, сидел где-то неподалёку, готовый в любую секунду подставить плечо или подать воду. Как Рендейл, чтобы построить мне дом. Как Аланиэль, который говорил со мной в голове, потому что слова иногда были слыш-

ком тяжёлыми для воздуха. Я была не одна. И этого было достаточно, чтобы позволить себе этот сон. Без страхов. Без планов. Просто доверие. Капле за каплей.

Глава 5.. Аланиэль.

Я сбежал не от страха. От усталости. От семьи, от двора, от всех, кто лебезил передо мной, выстраиваясь в идеальные линии и произнося заученные фразы, от которых уже тошнило. От намёков высокомерных дам, от взглядов, полных холодного расчёта, от дней, что листались, как одна и та же книга, где на каждой странице написано одно и то же. Церемонии. Поклоны. Ожидание. Я устал. И сбежал, когда появилась возможность стать хранителем. Не чтобы получить титул. А чтобы обрести тишину. Возможность слышать не звон монет, а шёпот корней.

Каждый день я наблюдал, как угасает магический источник. Вливал силу. Отдавал по капле, по потоку, целыми ночами без сна. Но признаков жизни уже не было. Четыре источника. Четыре жилы, питавшие этот лес веками. И все медленно остывали. Не резко. Не с треском. Как уголь, который гаснет, если его не ворошить. Я принимал это. Не с отчаянием. С пониманием. Лес не требует чудес. Он требует присутствия. Я был рядом. Ждал. Слушал.

И в один из дней лес замер. Никаких звуков. Будто ожидая чего-то. Птицы замолчали. Ветер перестал трогать ветви. Даже насекомые ушли в землю. Я почувствовал это кожей. Разлом. Нестабильный. Рваный. Пахнущий озоном и старой пылью. Их выбросило в лес прямо на мох. Я молча наблюдал

из тени. Двоих я знал.

Бывший кронпринц драконов. Почему бывший? Потому что потерял дракона. Драконов контролирует только дракон. Сущность не делится. Не передаётся. Он потерял её по своей глупости. Без защиты, без щитов, сунулся залатать прорыв в старом узле. Магия не прощает спешки. Она забирает равное. Мальчишку погубил собственный порыв. После он стал стремительно стареть. Слишком быстро. Тело, лишённое драконьей опоры, воспринимало его только как человека. Сейчас он выглядел как маг, несущий свои годы, как камень на шее.

Вместе с ними упала девчонка. В странной одежде. В ботинках, не знавших грязи лесных троп. Слова, вырывавшиеся у неё, были непонятными, резкими, но в них не было лжи. Только растерянность. И та самая живая, не отточенная веками искра, от которой в тот же вечер магические звери пошли её защищать. Не по приказу. По инстинкту. Они почувствовали не силу. А ритм. Тот, что ещё не научился прятаться за стенами.

Я решил проверить. Примет ли её дом. Звери привели её ко мне. Я отвёл её к крыльцу. Дверь открылась сама. Не скрипнула. Просто распахнулась, будто ждала. Впервые меня ни во что не ставили. Не замирали с восторгом. Не кланялись. Ругали. Били метлой. Называли рогатым. Смеялись над моей неловкостью у печки. И, признаться, мне не хотелось менять это ни на какие титулы. Когда она узнала, что

я не только единорог, но и эльф, она не поменяла ко мне отношение. Наоборот, казалось, она пыталась отдалиться. Отводила взгляд. Не говорила свои колкости. Просила в долг. Я мог ей всё подарить, а она не просила. Оформить. Заверить. Юридически. Может, потому что не знает, кто я? Хотя вряд ли. На неё наши правила мира не действуют. Кто же ты, девочка? Эта твоя дерзость, эта готовность спорить даже с лесом... она будоражит кровь куда сильнее, чем любые придворные интриги, от которых я сбежал.

Я почувствовал вспышку магии и вышел к ней. Она не может управлять тем, что копилось внутри. Магия, что спала двадцать лет, нашла выход. И он был похож на пожар. Но я не жалею, что повёл её к очищающему источнику. Сердце разрывалось из груди. Руки сжимались в кулаки, когда я видел, как её тело выворачивает болью. Но процесс уже не остановить. Остановить — значило убить. Я нёс её хрупкое тело по тропе. Жалел ли я? Нет. Она должна жить. А чтобы жить, нужно выжить. Иногда выживание выглядит как падение. Иногда — как прыжок в ледяную воду. И, должен признать, даже в этом состоянии она умудрялась выглядеть чертовски очаровательно, хотя я бы скорее отрубил себе руку, чем произнёс это вслух.

Она отправила меня помочь с землёй у кромки леса. Я ушёл. Углублял корни. Поворачивал их от зоны вспашки. Защищал от внешнего давления. Почва отзывалась ровно. Тяжёлой, благодарной волной. И вдруг — всплеск магии. Я

знал, что Рендейла нет там, и побежал. Вовремя. Они метались в куполе, пытаясь убежать от огня, который не горел, а бил. Я погасил её. Не криком. Поглощением. Рог коснулся воздуха. Струя впиталась. Оставила только запах пепла и тишину.

Рендейл был прав в одном. Магия, которая спала двадцать лет, искала выхода. И она опасна. Не злом. Непредсказуемостью. Как река, которая не знает своих берегов. Я позвал её к источнику. Он мог ей помочь, если примет её магию. Если не отвергнет. Зашла, как всегда, с иномирными словами. И хотела утащить камень. Хм. Забавная. Источник принял. Ещё как принял. С первых же минут заискрился. Внутренние грани ожили. Вода запела не журчанием, а низкой, ровной нотой. Я убаюкал её. Она заснула. Резерва ещё на три дня. Что она такое?

Я уложил её подальше от камня, чтобы проснулась без ожогов. Чтобы её дыхание выровнялось само. И ушёл. Пошёл к Рендейлу, чтобы уладить все дела с землёй.

Он встретил меня хмурым взглядом. Плащ застёгнут наглухо. Посох в руке. Лицо напряжено, как струна.

— Где, мать твою, Астрид? — спросил он. Голос ровный, но под ним гул.

— У источника.

— А что она там делает?

— Сликает всю лишнюю силу. Но её там ещё очень много.

— И источник принял её?

— Да.

Он помолчал. Ветер тронул ветви. Где-то вдали прокричала птица.

— Это из-за этого магическое поле изменилось? — тихо спросил он.

Я кивнул.— Проверил, что с землёй?

— Да. Завтра поеду покупать. Буду через пять дней. Береги её. Ещё поищу рабочих. Могу и задержаться.

— Береги её.

Я кинул ему кошель. Тяжёлый. Звонящий. Он поймал, нахмурился.

— Я, по-твоему, нищий, что ли? — отреагировал на это Рендейл.

— Знаю, что не нищий, — ответил я, позволяя себе лёгкую, едва заметную усмешку. — Но пополам — справедливо.

Он хмыкнул. Не улыбнулся. Но плечи чуть опустились. Развернулся. Ушёл собирать вещи. Шаг за шагом. Посох стучал о камни. Ровно. Как всегда.

Я остался один у кромки леса. Ветер снова поднялся. Принёс запах мокрой земли, хвои, далёкого дождя. Внутри не было тревоги. Была тишина. Та самая, которая не давит, а весит. Я знал, что делаю. Не ради славы. Не ради долга. Ради неё. Ради того, чтобы дом стоял. Чтобы тропы не заросли. Чтобы магия текла, а не разрывала. Чтобы она проснулась. Чтобы научилась дышать без страха. Чтобы поняла, что

источник — не враг. Не друг. Часть. Как воздух. Как шаг. Как ритм, который не требует доказательств. Только принятия. Вечер опускался медленно. Свет за деревьями сменил оттенок с золотого на пепельно-синий. Воздух остывал. Не холодел. Просто менял плотность. Я сел на камень у тропы. Положил ладони на колени. Закрыв глаза. Слушал. Лес дышал. Не громко. Ровно. Как живой. Как тот, кто давно перестал требовать доказательств и просто принял. В груди пульсировало эхо вчерашней угрозы. Тихое. Далёкое. Не пугало. Напоминало. Они придут. Не сегодня. Может, завтра. Может, через неделю. Но я буду готов. Не мечом. Не щитом. Присутствием.

Открыл глаза. Посмотрел на дом. На крышу во мху. На окна, в которых отражалось небо. На землю, ждущую семян. Внутри не было страха. Была решимость. Чёткая. Холодная. Настоящая. Встал. Отряхнул пыль с плаща. Пошёл к источнику. Завтра — земля. Договор. Рабочие. Вспашка. Но сегодня — я здесь. И этого достаточно. Чтобы набрать полную грудь воздуха. Чтобы медленно освободить его. Чтобы сделать шаг. Не вперёд. Не назад. Просто в ритме. С лесом. С водой. С теми, кто дышит рядом. И с той, чей смех теперь звучит в этом лесу громче, чем любые древние пророчества, и чья дерзость заставляет моё сердце биться чуть быстрее, чем положено эльфу.

Глава 6. Тёплая корзина и ритм леса

Тильда вышла на крыльцо, опираясь о косяк ладонью, вытертой о передник. Увидела меня. Не удивилась. Не поклонилась, как это делали придворные, застывающие в неестественных позах при виде эльфа. Просто кивнула, как кивают тому, кто давно перестал быть гостем и стал неотъемлемой, хоть и немного странной частью ежедневного распорядка.

— Хранитель, как наша хозяйшюка? — спросила она. Голос хрипловатый, но ровный. Без паники. Без лишних, бесполезных вопросов, которыми обычно пытаются заполнить неловкую тишину.

— Всё хорошо, — ответил я, позволяя себе лёгкую, едва заметную улыбку, которую редко кто удостоивался видеть. — Делает глоток воздуха ровно. Каналы не рвутся. Источник держит. И, кажется, её аппетит уже начинает превосходить её магический потенциал, что является отличным, хотя и пугающим знаком для наших запасов.

Она фыркнула, но в этом фыркание не было насмешки. Было чистое, неподдельное облегчение, которое она даже не пыталась скрыть.

— Я сейчас вам корзину соберу. Еды наберу. Хлеб, сыр, грибы сушёные, ягоды в мёду. Чтобы не бегать лишний раз и

не тратить её силы на готовку, пока она восстанавливается. Хотя, зная её, она попытается приготовить всё сама, даже если придётся воевать с печью.

— Спасибо, Тильда, — сказал я тихо, с искренней, глубокой благодарностью.

Она скрылась внутри. Через минуту вернулась с огромной плетёной корзиной, увязанной прочной верёвкой, тяжело раскачивающейся в её цепких, привыкших к труду руках. Я шагнул вперёд, протягивая руки.

— Давайте я возьму. Не вам таскать такие тяжести, пока я здесь.

Она не стала спорить или проявлять ложную гордость. Передала корзину. Рядом с ней на деревянной скамье лежали мягкая подушка и аккуратно сложенное одеяло. Я поднял и их. Ткань хранила её запах. Не духи. Не мыло. Что-то живое. Травяное. С лёгкой, приятной горчинкой. Как воздух после летнего дождя, в который кто-то щедро добавил щепотку мяты и запах старой, надёжной древесины. Я прижал вещи к груди. Не нарочно. Просто так, инстинктивно, желая сохранить это ощущение подольше.

Пять дней у меня есть. Пять дней рядом. Хочу наблюдать за ней. Не как за пациентом. Не как за источником магических всплесков, требующим постоянного надзора. Как за человеком, который только учится делать глоток воздуха в мире, где это умение решает всё. Пять дней — не срок. Это пространство. Время, чтобы каналы окрепли. Чтобы поток

перестал бить берега. Чтобы земля, вспаханная и отдохнувшая, не боялась прикосновения лопаты. Чтобы те, кто шёл по следу, уперлись в закрытую дверь леса и поняли: здесь не пройти. Не сейчас. Не пока. И чтобы я мог просто наслаждаться её присутствием, не прячась за маской вечного, непоколебимого стража.

Тропа вела к пещере не прямо. Она огибала старые, мощные корни, спускалась по влажным, скользким камням, уходила в густую тень папоротников. Я шёл медленно. Корзина не давила на плечи. Одеяло согревало ладони, напоминая о её тепле. Внутри не было тревоги. Была тихая, сосредоточенная решимость. Лес знал, зачем я иду. Не требовал отчёта. Просто расступался. Давал дорогу, словно приветствуя того, кто наконец-то нашёл свой истинный путь.

Я не торопился. Пять дней до посевов. Ровно столько оставалось до возвращения Рендейла. Ровно столько — до того, как земля окончательно примет семя. Я считал не календарные сутки, а ритмы. Делание глотка воздуха Аси. Гул источника. Тень, что смещалась по склону на палец с каждым часом. Земля ждёт. Семена ждут. Люди, что привёз Рей, ждут. Но ничто не торопит. Ничто не ломает. Только ритм. Только присутствие. Только шаг за шагом. И мысли о том, как она будет смеяться, когда увидит, что я принёс ей еду, как капризному, но бесконечно дорогому ребёнку.

Вернулся в пещеру. Она стояла у кромки источника. Не сидела. Не лежала. Просто стояла. Спина прямая. Взгляд

устремлён в воду, где камень-сердце переливался ровным, глубоким светом. Не ослепляющим. Живым. Будто внутри билось не холодное магическое ядро, а тихое, терпеливое сердце самого леса, которое наконец-то решило проснуться и потянуться.

— Послушай, Ал, — сказала она, не оборачиваясь. Голос был хриплым от сна, но в нём уже не было вчерашней пугающей дрожи.

— Почему эта каменюга стала такой большой? Раньше был маленький, а тут с размером упитанной коровы.

Я рассмеялся. От души. Не сдерживаясь. Не пряча улыбку за вежливостью или высоким титулом. Только она могла такое сказать про магический источник, который веками питал корни, хранил силу земли и молча принимал всё, что отдавали ему поколения хранителей. Смех вырвался легко. Без тяжести. Без расчёта. Будто он наконец скинул невидимый, давящий плащ титулов и позволил себе быть просто собой, рядом с той, кто не боялся его поддеть.

— Он и дальше будет так расти? — спросила она, наконец повернувшись. Глаза ясные. Усталые, но не сломленные. В них плясали искорки того самого озорства, которое так невероятно мне нравилось.

— Не знаю, — ответил я, подходя ближе и ставя корзину на сухой камень. — Он был таким, как я родился. Не растёт. Не сжимается. Просто принимает.

— А, — она кивнула, задумчиво прикусив губу, и в её

глазах мелькнула хитрая искорка. — Так она сожрала мою силу и потолстела?

Я опять хохотнул. Не удержался. Звук разнёсся по влажным сводам пещеры, отразился от стен, заставил воду пойти крупной, весёлой рябью. Она не обиделась. Не смутилась. Просто улыбнулась. Тихо. По-своему. Будто шутка была не про камень. Про нас. Про то, как легко стало делать глоток воздуха, когда перестали бояться ошибиться или показаться глупой.

— Ну и ладно, — пожала она плечами, и её улыбка стала шире, обезоруживающе искренней. — Главное, что не лопнул. А то бы пришлось новый заказывать. В следующем мире, наверное, есть доставка таких габаритов?

— Думаю, гонцы там бы сильно удивились, — усмехнулся я в ответ, наслаждаясь этой лёгкой перепалкой.

Потом она заметила корзину в моих руках. Взгляд скользнул по верёвкам, по ткани, по краю одеяла.

— А что там? — спросила она, делая шаг ко мне.

— Догадайся, — хмыкнул я, развязывая узел.

— Чтобы не было, — усмехнулась она, принохиваясь. — Пахнет вкусно. Хлебом. Чем-то пряным. И мёдом. Тильда не скупится, когда дело касается её «хозяйюшки».

— Пойдём покушаем, — сказал я, осторожно ступая на мокрые валуны. — Тропа здесь скользкая. Не спеши.

Я протянул руку. Она посмотрела на ладонь. Не сразу. Взвеси́ла. Потом вложила пальцы в мои. Тёплые. Чуть шер-

шавые от вчерашней работы с землёй. Этот простой контакт обжёг мою кожу приятнее любого магического огня. Я сжал её пальцы аккуратно. Не давил. Не тянул. Просто поддерживал, давая понять, что я здесь и никуда не денусь, даже если она решит снова назвать священный артефакт коровой.

Мы вышли из пещеры к озеру. Вода лежала зеркалом. Скалы отбрасывали длинные тени. Ветер почти не шевелил поверхность, боясь нарушить эту идеальную гладь.

— Красиво здесь, — сказала она, выпуская мою руку только когда её ступни встали на ровную, мягкую траву.

— Да, — ответил я, садясь рядом. Расстелил ткань. Вынул хлеб, сыр, миски с ягодами, глиняные кувшины с отваром.

— Знаешь, Ал, мне тут нравится, — добавила она, глядя на воду, и это простое слово, слетевшее с её губ, заставило моё сердце сделать лишний, совершенно не эльфийский кувырок.

Я замер. Нож, которым резал хлеб, остановился в воздухе. Думал, мне показалось. Как ты меня назвала? Ал. Не Хранитель. Не Эль. Не ваше высочество. Ал. Просто. Коротко. Без титулов. Без стен.

— Ну, можно, — сказал я наконец. Голос прозвучал тише и мягче, чем я планировал. — Или Эль. Хотя мне кажется, Эль звучит красиво. У нас так принято называть близких и друзей. Не зря же тебя все Ася зовут.

— Ася — это сокращение, — усмехнулась она, взяла кусок хлеба, отломил и положила перед собой. — Для тех, кто

не хочет запоминать полное или кому лень выговаривать. Но я не против. Звучит как своё. Родное.

— У вас там красиво? — спросил я, раскладывая еду на ткани. Не требовал детальных описаний. Просто интересовался. Хотел услышать её голос, когда она говорит о своём, пусть и далёком, мире.

— У нас там шумно, — ответила она, жуя медленно, задумчиво глядя на горизонт. — Пыльно. Воздух пахнет бензином и выхлопами. Все живут в многоквартирных домах. Есть от десяти этажей и выше. На каждом этаже — люди. Шум, ссоры, шаги за стеной, лифт, который вечно ломается. Звучит как-то не очень, да?

— Звучит как клетка без решёток, — сказал я тихо, и в моём голосе прозвучала искренняя жалость к тому миру, который её не ценил.

— Я жила ещё хуже, — продолжила она, не поднимая глаз, но её голос не дрожал. — В одной комнате. С потрескавшимся потолком. С окном, которое не закрывалось зимой. С соседями, которые стучали по батарее, если я включала музыку.

— А ты ничего не помнишь о родителях? — Вопрос прозвучал не как допрос. Как попытка понять, откуда она взялась, из какой почвы пророс этот удивительный, стойкий цветок.— Меня нашли младенцем, — ответила она. Голос стал ровнее. Без дрожи. Без жалости к себе. Только факты. — Так что нет. Только имя. Астрид Вайлет. И потом начался

этот кошмар. Интернат, драки, голод, учёба по ночам, чтобы не вылететь. И случайно попала сюда. Через трещину. Через шаг. Через момент, когда земля решила, что я ей нужна. Я молчал. Не из вежливости. Из глубокого уважения. Она не просила сочувствия. Она делилась фактами. Как карты. Как координаты. Как путь, который не требует оправданий. И я восхищался ею всё больше с каждой секундой. Если бы я встретил тех, кто заставлял её жить в таких условиях, они бы узнали, что такое истинный, древний эльфийский гнев. Но сейчас передо мной была не жертва. А победительница.— Мы поели, — сказала она, когда миски опустели. Расстелила моё одеяло на траве. — Ляг. Отдохни. Ты ведь не спишь уже сутки, а твои эльфийские уши, наверное, уже звенят от усталости.

Я лёг. Не от усталости. От тишины, которая вдруг стала не пустотой, а уютным пространством. Она села рядом. Не близко. Не далеко. Просто рядом. Смотрела на воду. Я смотрел на неё, любуясь профилем, освещённым мягким светом.

— А ты, Эль, — спросила она тихо, не отрывая взгляда от озера, — почему ты здесь?

Вопрос не требовал немедленного ответа. Он не был обвинением. Не был праздным любопытством. Он был мостом. Тонким. Настоящим. Тот, что строится не словами, а присутствием. Я закрыл глаза. Не чтобы скрыть взгляд. Чтобы услышать себя. Почему я здесь? Не ради короны. Не ради долга. Не ради источника, который тускнел, пока я вливал в

него силу, а он молчал. Я сбежал. Не от страха. От тишины, которую не мог найти в дворцах, полной лести и интриг. Лес дал мне её. А она... она дала мне смех. Настоящий. Без расчёта. Без стен. Она назвала меня Ал. Не зная, что это имя носили только те, кого я сам выбирал. Не титулы. Не вассалы. Люди. Потому что она не боится быть собой. Потому что она ругает меня метлой, называет рогатым, просит в долг, оформляет бумаги, но не просит подарков. Потому что она тонет, но считает глотки воздуха. Потому что она смеётся над камнем-источником, как над толстым псом, который объелся. Потому что она здесь. Не как гостья. Не как ученица. Как та, кто наконец перестала доказывать миру, что достойна места. И просто заняла его. В моём сердце тоже.

Я открыл глаза. Ветер тронул ветви. Вода пошла мелкой рябью. Она всё ещё смотрела на озеро. Ждала не ответа. Просто присутствия.

— Потому что ты здесь, — сказал я тихо, и эти слова прозвучали как самое важное признание в моей долгой жизни. — А лес не отпускает тех, кто делает глоток воздуха в ритме с ним. И я не хочу уходить оттуда, где мне так хорошо.

Она улыбнулась. Не широко. Просто так. Будто услышала не слова. Ритм.

— Ладно, — прошептала она. — Тогда делаем глоток воздуха и продолжаем. Я кивнул. Закрыв глаза. Слушал. Шум воды. Её ровное дыхание. Ветер в хвое. Тишину, которая не давила. А обнимала. Завтра будет разметка гряд. После-

завтра — проверка каналов. Через три дня — пробный полив. Через четыре — подготовка семян. Через пять — посе­вы. Ровно. Чётко. Без импровизаций. Без страха. Просто шаг за шагом. Глоток воздуха за медленным освобождением. Камень в ладони грелся. Тихо. Ровно. Будто сердце, которое бьётся в ритме с моим. И я знал: когда наступит пятый день, я не споткнусь. Не растеряюсь. Не буду сравнивать его с фильмами. Просто сделаю шаг. Сделаю глубокий глоток воздуха. Медленно освобожу его. И отпущу семена туда, где им место. В землю. В ритм. В будущее. Потому что даже путь начинается не с лопаты. А с момента, когда ты перестаёшь бояться почвы под ногами. И понимаешь: мир не просит тебя стать кем-то другим. Он просит тебя просто быть готовой. И ждать не в страхе. А в предвкушении. Через пять дней — посе­вы. И я уже считал шаги до рассвета, зная, что встречу его вместе с ней, и что никакие титулы и обязанности не заставят меня отойти от неё ни на шаг.

Глава 7. Каменюга, модель с кубиками и клятва, которую не отменишь

Я проснулась до рассвета. Не от шума. От тишины, которая вдруг стала слишком плотной, будто воздух сгустился и перестал пропускать звуки, превратившись в невидимое, бархатное одеяло, укутывающее пещеру. Потянулась, чувствуя, как мышцы отзываются без вчерашней изматывающей тяжести. Каналы внутри текли ровно, не рвались, не гудели, как перетянутые струны. Они просто двигались, как река, наконец нашедшая своё истинное русло после долгого периода засухи. Одеяло было тёплым, но рядом никого не оказалось. Я села, огляделась. Пещера спала, погружённая в полумрак. Только источник шумел тихим, мерным гулом, отбивая ритм, удивительно точно совпадающий с моим собственным пульсом. Встала. Босые ступни коснулись прохладного, слегка шершавого камня пола. Пошла искать Ала. Его не было у входа. Не было и на тропе, ведущей к озеру. Только у кромки воды, там, где вчера лежал скромный кристалл-сердце, теперь возвышался огромный, переливающийся всеми оттенками радуги монолит. Я замерла, моргая от удивления. Камень раздулся. Буквально. Стал размером с упитанную корову, которая объелась на сенокосе и теперь

лениво жуёт жвачку, глядя на мир с видом существа, которое точно знает своё безоговорочное место в пищевой цепи и не намерено его уступать. Я подошла ближе. Провела ладонью по гладкой грани. Поверхность была тёплой. Пульсирующей. Будто внутри билось не холодное магическое ядро, а живое, терпеливое сердце самого леса, которое наконец-то решило проснуться и потянуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.